

ПАРАДОКС АНАЛИЗА, ОПРЕДЕЛЕНИЕ И РЕЛЯЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ*

Н.А. Тарабанов

Исходя из дистинкции логической и фактической истинности формулируется парадокс анализа, свидетельствующий о реальной неопределимости истины и экземплифицируемый с позиции теории соответствия. На примере связываемого с такой позицией дефляционистского подхода, который дает формальное определение истины, демонстрируется ограниченный характер обоих подходов. В качестве возможной альтернативы представлена реляционная концепция, определяющая истинность как примитивное, далее неанализируемое отношение между разными концептуальными схемами реальности.

Ключевые слова: парадокс, анализ, тождество, определение, отношение, истина

Прелиминарии

Процедура логического анализа высказываний (как философских, так и научных) зачастую признается достаточно эффективной при решении вопроса о том, насколько их истинность зависит от того, *что* они выражают (означают). Иными словами, вопрос о *логической* (аналитической, априорной, формальной) истинности предложения обычно решается через выявление значений составляющих его терминов и того, как они соотносятся друг с другом (так называемый *принцип композициональности*). Аналитически истинными предложениями признаются, например, следующие выражения: « $67+58=125$ », «Все холостяки являются неженатыми мужчинами», «Отец – это родитель мужского пола» и т.п. Считается, что истинность большинства таких высказываний напрямую связана с принятыми соглашениями об употреблении входящих в них терминов (*конвенциями*) [1].

---

* Статья содержит результаты исследований, выполненных при поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант МД-1685.2010.6), а также в рамках государственного контракта (№ 02.740.11.0362) на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.1. Проект «Онтология в современной философии языка»).

Конечно, наряду с логической истинностью говорят также о *фактической* (синтетической, апостериорной, материальной) истинности, которая не может быть установлена исключительно на основе принятых конвенций об употреблении терминов. Если обратиться к таким предложениям, как «Атомное ядро состоит из нуклонов», «Снег бел», «Баба Яга летит в ступе» и т.п., то ясно, что для установления их истинности (или ложности) необходимо использовать некоторые эмпирические процедуры или определенные методы практической проверки. В этом случае предложение признается истинным, если входящие в него термины находятся в таком грамматическом отношении друг к другу, которое явным образом указывает на то, что обозначаемые ими предметы (или свойства) *именно так* и соотносятся, т.е. образуют определенный *факт*, отображающий соответствующее положение дел в действительности.

Таким образом, традиционная эпистемология исходит из строгого разделения всех истинных предложений (высказываний или суждений) на *аналитические* и *синтетические*. Справедливости ради следует сказать, что далеко не все современные философы науки считают оправданной такую дистинкцию. В частности, У. Куайн, называя убеждение в существовании фундаментального различия между двумя видами истины одной из догм современного эмпиризма, указывает среди прочего на то, что «несмотря на всю ее априорную разумность, граница между аналитическими и синтетическими высказываниями просто не проведена», и далее заявляет: «То, что такое различие вообще должно быть проведено, есть неэмпирическая догма эмпириков, предмет метафизической веры» [2]. Куайн приходит к такому выводу в результате попытки объяснить *аналитичность* через обращение к понятию значения, предполагающее обращение к понятиям синонимии и определения, которые, в свою очередь, могут быть поняты только тогда, когда мы опять же вернемся к самой аналитичности. Выходом из сложившейся ситуации было бы остановиться на том, что «истинность высказываний в общем, очевидно, зависит как от языка, так и от внелингвистического факта» [3], не делая из этого различия далеко идущие выводы, ибо «говорить о лингвистической компоненте и компоненте фактуальной в истинности любого отдельного высказывания бессмысленно» [4]. Таким образом, за единицу эмпирической значимости должна признаваться вся наука, а не ее отдельные части (*позиция холизма*).

Подобный скептицизм в отношении фундаментального различия между аналитическими (логическими) и синтетическими (эмпириче-

скими) высказываниями, как известно, не одобрил Р. Карнап, который предпринял попытку описать экспликацию понятия аналитичности с помощью формально вводимого *постулата значения* [5]. Не вдаваясь в подробности этой экспликации, следует отметить, что приступая к ней, Карнап исходит из однозначно определенной семантической языковой системы, в содержание которой включаются среди прочего логические союзы и дескриптивные термины. Следовательно, он уже молчаливо признает обоснованность различия формальных и содержательных компонентов высказывания, тогда как это различие еще требуется прояснить. Кроме того, проблематичность в обосновании необходимости такого различия косвенным образом обнаруживается также при обращении к тем парадоксальным следствиям, к которым приводит применение *принципа взаимозаменяемости* (подставимости) в аналитических предложениях тождества как одно из важнейших условий всякого логически корректного анализа языка.

Парадокс анализа и реальное определение истины

В философии неоднократно вставал вопрос о том, имеют ли аналитические суждения характер необходимых и априорных истин. В частности, А. Пап обращает внимание на вопрос о том, из каких суждений состоит сам *анализ* [6]. Если признать, что он строится исключительно из строго аналитических (и, соответственно, необходимых и априорных) суждений, то в результате мы сталкиваемся с так называемым *парадоксом анализа*, одна из наиболее точных формулировок которого впервые дается Дж. Муром [7], хотя сам по себе этот парадокс был обнаружен несколькими годами ранее Дж. Уиздомом [8], а еще раньше в немного ином виде был рассмотрен Г. Фреге [9]. В изложении Фреге парадокс анализа впоследствии получил название *проблемы (загадки) тождества*, на решение которой были направлены усилия Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Ф. Рамсея и многих других [10].

В общем случае парадокс анализа заключается в следующем. Пусть a представляет собой анализируемое выражение (*analysandum*), а b — анализирующее выражение (*analysans*). Анализ может считаться корректным только тогда, когда фиксируется тождественность выражений a и b . Однако в таком случае суждение, выраженное высказыванием $a=b$, тождественно суждению, выраженному высказыванием $a=a$. Получается, что если анализ является корректным, то он оказывается тривиальным (неинформативным). Рассмотрим следующие два предложения:

- (1) Снег – это снег.
- (2) Снег – это твердые атмосферные осадки, состоящие из ледяных кристаллов разной формы.

Предложение (1) является тривиальным, поскольку оно не разъясняет, что такое *снег*. В предложении (2) дается определение снега, однако если (2) выражает концептуальное тождество между понятием *снег* и понятием *твердые атмосферные осадки, состоящие из ледяных кристаллов разной формы*, то оказывается, что (2) выражает то же самое суждение, что и предложение (1). Между тем в то время как (1) представляется тривиальным, вряд ли то же самое можно сказать о предложении (2).

Одним из возможных решений рассматриваемого парадокса могло бы стать признание того, что в данном случае мы имеем дело с предложениями, которые различны по смыслу, но одинаковы по значению. Такое решение, артикулированное А. Чёрчем [11], основывается на введенном Фреге важном различии между *смыслом* и *значением* предложения: «Если мы вообще находим различие в познавательной ценности предложений ' $a=a$ ' и ' $a=b$ ', то объясняется это тем, что с точки зрения познавательной ценности предложения его смысл – а именно, выраженная в нем мысль – играет роль отнюдь не меньшую, чем его значение, каковым является его истинностное значение» [12]. Таким образом, для того чтобы показать нетривиальный характер предложения (2), достаточно указать на различие в смыслах понятий *снег* и *твердые атмосферные осадки, состоящие из ледяных кристаллов разной формы*, сохраняя при этом тождественность данных понятий за счет общего для них предметного значения. Точно так же как в математическом высказывании « $67 + 58 = 125$ » выражения по обе стороны равенства обозначают одно и то же число (но обладают разным смыслом), всякое аналитическое предложение тождества, содержащее разные по смыслу (но одинаковые по значению) *analysandum* и *analysans*, может быть признано истинным без того, чтобы приводить к каким-либо парадоксальным следствиям.

Тем не менее подобное решение вряд ли может считаться удовлетворительным, если принять во внимание адекватность принципа подставимости и исходя из корректности анализа, представленного выражением «Понятие *снег* = понятие *твердые атмосферные осадки, состоящие из ледяных кристаллов разной формы*», прийти к довольно противостественному выводу

- (3) «Суждение ‘понятие *снег* = понятие *твердые атмосферные осадки, состоящие из ледяных кристаллов разной формы*’ = суждение ‘понятие *снег* = понятие *снег*’»

из логически истинной посылки

- (4) «Суждение ‘понятие *снег* = понятие *снег*’ = суждение ‘понятие *снег* = понятие *снег*’».

Это далеко не единственное возражение [13], выдвигаемое против семантического решения Фреге – Чёрча и ставящее под сомнение не только оправданность различия аналитических и синтетических истин, но также саму теорию смысла и значения. Однако здесь нет возможности рассмотреть их, равно как и другие способы решения [14], во всей полноте, поэтому ограничимся лишь фиксацией того, что парадокс анализа тесно связан, с одной стороны, с вопросом корректности (шире – истинности) реализуемого анализа и, с другой стороны, с проблемой реальных определений.

Реальное определение, отсылающее к Платону и Аристотелю и отражающее классический взгляд на анализ, предполагает формулировку *сущности* понятия [15]. Кроме того, в случае реального определения мы имеем логическую эквивалентность (двустороннее следование) определяемого (*definiendum*) и определяющего (*definiens*) выражений. Поэтому вполне оправданно рассматривать *определение* в качестве частного случая корректного анализа, при условии что общей схемой его реализации принимается тождественность анализируемого и анализирующего выражений, значения которых должны совпадать. Отчасти именно это, судя по всему, имеют в виду Б. Рассел и А. Уайтхед, когда пишут следующее: «Определение есть формальное заявление о том, что первый раз вводимый символ или комбинация символов означает в точности то же самое, что и некоторая другая комбинация символов, значение которой уже известно» [16]. Иными словами, определение всегда предполагает знание, по меньшей мере, значения определяющего выражения и в этом смысле является тривиальным (неинформативным).

Согласно Папу, основная трудность, касающаяся реального определения, заключается в следующем: «...Как можем мы *одновременно* утверждать, что определение выражает необходимое суждение и что определяемое и определяющее выражения означают *разные* атрибуты»? [17] Например, с точки зрения корреспондентной концепции истина есть соответствие действительности. В этом случае дается *реаль-*

ное определение, которое должно отсылать к сущности понятия истины и устанавливать необходимое отношение между определяемым и определяющим выражениями. Главная же проблема, связанная с теорией соответствия, состоит в том, что всякая попытка прояснить «*p* является истинным» посредством «*p* соответствует фактам» приводит к порочному кругу, ибо для того чтобы указать на некоторый факт, требуется его фиксация в языке. Трудно продвинуться дальше такого тавтологизма, как «*если p является истинным, то факт, что p*» [18].

Когда в теории соответствия предпринимается попытка дать реальное определение понятия истины, возможно ли сказать нечто большее, чем то, что выражается в следующем тезисе эквивалентности: «*p истинно тогда и только тогда, когда p*»? Истинно, что Москва – столица России, тогда и только тогда, когда Москва – столица России; истинно, что $2+2=4$, тогда и только тогда, когда $2+2=4$ и т.д. Получается, что утверждать истинность некоторого высказывания означает просто утверждать это высказывание само по себе. Этим иллюстрируется логическая прозрачность истины, из которой исходит обычно противопоставляемая корреспондентной (субстанциальной или инфляционной) теории концепция дефляционного типа [19]. Когда мы обращаемся к выражению «снег бел», то вполне можем отвлечься от его истинности и просто считать, что *снег бел*. Другими словами, мы прямым выводом истинность высказывания «снег бел» из утверждения о том, что снег бел. Таким образом, в общем случае предлагается следующий тезис эквивалентности:

(ТЭ) Предложение (утверждение, высказывание и т.д.) *p* истинно тогда и только тогда, когда *p*.

Данный тезис показывает определенную избыточность предиката истины. Все, что может быть сказано с его помощью, может быть сказано и без него. Кроме того, прозрачность выражения «истинно, что» поднимает проблему, напоминающую парадокс анализа [20]. Либо дается анализирующее выражение или синоним выражения «истинно, что», но тогда этот синоним тривиален и пуст, как в том случае, когда утверждается, что «истинно, что *p*» означает «факт, что *p*». В противном случае (если анализирующее выражение является субстанциальным, т.е. имеет какое-то отношение к реальности) содержание выражения «истинно, что *p*» отличается от содержания «*p*». Но тогда получается, что выражение «истинно, что *p*» более не имеет того же самого содержания, что «*p*», а свойство прозрачности утрачивается. Эта дилемма, судя по всему, показывает, что невозможно дать реальное опре-

деление понятия истины без утраты свойства прозрачности. Рассмотрим этот парадокс в нескольких его формулировках.

Предположим, что в некоторой субстанциальной теории истины всегда существует различие в содержании между « p » и «истинно, что p ». Пусть утверждение о том, что существует такое различие, называется q . Может быть также сформулировано другое утверждение – «истинно, что q », назовем его r . Тогда получается бесконечная последовательность утверждений, каждое из которых указывает на то, что предшествующее ему утверждение является истинным. Но как могут эти утверждения на самом деле быть истинными? Допустим, что реальным определением истины будет определение, которое дается в корреспондентной концепции: «предложение истинно, если оно соответствует фактам». От утверждения p в этом случае переходим к утверждению о том, что p соответствует (C) факту (F): pCF . Суждение pCF само по себе является истинным: оно соответствует другому факту (F^*). Следовательно, мы имеем $pCFCF^*$, что, в свою очередь, является истинным и приводит к суждению $pCFCF^*CF^{**}$ и так далее до бесконечности [21].

Можно сформулировать этот аргумент и другим способом. Предположим, что истина анализируется посредством какого-либо реального определения ϕ (корреспондентного, когерентного, прагматистского или какого-либо еще). Тогда имеем две последовательности (где « T » обозначает «истинно, что»):

$$p \ Tp \ TTp \ TTTp \dots$$

$$p \ \phi \ p \ \phi\phi \ p \ \phi\phi\phi \ p \dots$$

Получается следующее:

(I) в первой последовательности каждый член имеет то же содержание, что и любой другой (свойство прозрачности);

(II) если ϕ есть реальное определение, или анализ истины, тогда ϕ должен иметь свойство прозрачности;

(III) либо ϕ имеет особое и независимое содержание, либо ϕ есть тривиальный простой синоним T ;

(IV) во втором случае ϕ не может быть реальным определением истины;

(V) в первом случае ϕ не имеет свойства прозрачности и, по (II), не является реальным определением истины;

Следовательно, истина не может быть реально определена [22].

Формальное определение и реляционная концепция истины

В семантической концепции А. Тарского все-таки дается определение истины для некоторого формализованного языка с четко фиксированными значениями. Тарский пишет, что предлагаемое им формальное определение истины призвано не «уточнить значение известного слова, используемого для обозначения некоторого нового понятия, напротив, оно должно выразить реальное значение старого понятия» [23]. Это старое понятие выражено в хорошо известном отрывке из Аристотеля: «...Говорить о существе, что его нет, или о не-существе, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что существе есть и не-существе не есть, – значит говорить истинное» [24]. Поэтому, конечная цель предлагаемого Тарским формального определения состоит в том, чтобы связать его с интуициями, закрепленными в классической аристотелевской концепции истины, согласно которой *истинное* – это всего лишь согласующееся с действительностью. Осуществлению этой цели служит то, что называется *семантической концепцией истины*.

С другой стороны, несмотря на отсылку к Аристотелю, Тарский утверждает, что предлагаемое им определение является нейтральным по отношению к любой из эпистемологических позиций:

«На самом деле семантическое определение истины ничего не говорит о том, при каких условиях можно утверждать предложение типа

(1) «Снег бел».

Из него вытекает лишь одно: когда мы утверждаем или отрицаем это предложение, мы должны утверждать или отрицать соответствующее предложение типа

(2) «Предложение “снег бел” истинно».

Таким образом, мы можем принять семантическую концепцию истины, не отказываясь от своей эпистемологической позиции: мы можем оставаться наивными реалистами, критическими реалистами или идеалистами, эмпириками или метафизиками и кем угодно. Семантическая концепция полностью нейтральна по отношению ко всем этим позициям» [25].

Следовательно, когда идет речь о семантической концепции истины, то не имеется в виду философское определение истины или даже анализ значения предиката «истинно» в естественном языке. Тарский

предлагает лишь способ, посредством которого истина характеризуется через *отношение* к некоторому формальному языку *L*, для которого может быть дано ее *формальное* определение.

Итак, в основе дефляционного подхода к истине, который, как оказывается, весьма близок к семантической концепции, лежит следующий тезис: приписывание истинности некоторому утверждению ничего не добавляет к тому, *что* утверждается. Например, сказать: «Истинно, что снег бел» – означает не более чем просто сказать: «Снег бел». Как следствие, в логическом отношении предикат истины представляется избыточным, поскольку он не добавляет ничего существенного к тому, что утверждается [26]. Это так, если логика признается единственно надежным способом проверки осмысленности наших суждений о мире, своего рода абсолют, определяющим постановку и решение проблем в онтологии и теории познания. Такое положение В.А. Суровцев обозначает как *принцип автономии логики*: «Логика как исследование универсальных возможностей осмысленных утверждений не может быть фундирована никакой онтологией, как раз наоборот, поскольку именно логика устанавливает критерий осмысленности, любая онтология есть следствие логического прояснения возможных взаимосвязей структур описания. Как универсальный метод прояснения мыслей логика не может зависеть и ни от какой эпистемологии, поскольку теория познания рассматривается лишь как частная философская дисциплина» [27]. Однако логика *inter alia* неразрывно связана с языком, который делается в ней одновременно и предметом, и средством анализа.

Логика оказывается близкой к универсалистской концепции, согласно которой «язык (говоря словами Витгенштейна, ‘единственный язык, который я понимаю’) есть неустранимый посредник между мною и миром, посредник, без которого я не могу обойтись. Таким образом, я не могу выйти за пределы своего языка (и воплощаемой им понятийной системы) и видеть его со стороны» [28]. Одними из важнейших следствий универсалистского взгляда на язык становятся: 1) невыразимость семантики и, отсюда, отрицание всякой возможности ее рационального (понятийного) обоснования; 2) невозможность построения реалистического метаязыка, который позволял бы обсуждать используемый язык. Тезис о невыразимости семантики наиболее отчетливо сформулирован Витгенштейном: «4.121. ...Мы не можем выразить языком то, что *само* выражается в языке» [29]. Помимо Витгенштейна к универсалистам можно было бы отнести также Фреге, Рассела, предшественников логического позитивизма и др.

Основываясь на логическом тезисе об эквивалентности истинности предложения и того, что оно собой выражает, дефляционизм отказывается от традиционного определения знания как истинного и *обоснованного* мнения [30]. Единственным обоснованием истинности того или иного знания служит «признание» («конвенция *T*» в терминологии Тарского) тождества истинности и значения предложения. Вряд ли такое логическое обоснование может быть принято безотносительно к признанию того, что существует в мире. Однако не исключено, что вопрос о значении составляющих предложение имен и предикатов вполне может быть решен без обращения к проблеме истины.

С другой стороны, дефляционист может и не отказываться от существования внешнего по отношению к языку мира, и тогда он вполне способен согласовать свой подход к истине с позицией *формального реализма*, в котором «утверждается, что мир существует, что есть все, что есть, и что каким-то образом мы способны на адекватное познание мира» [31]. Предикат истины в дефляционизме ничего не сообщает о реальности в привычном ее понимании, – пропозиции истинны благодаря тому, *что они выражают*, т.е. благодаря языку как средству выражения. Сфера применимости предиката истины ограничена языком, само понятие истины эксплицируется через язык. Истинность пропозиции описывается через эквивалентность ее содержания (отношения составляющих пропозицию терминов) и формы (фиксация пропозиции посредством ее именованя). Все постулируемые, обозначаемые через язык истины ограничены рамками используемых лингвистических конструкций. Дефляционистская истина – это истина языка, не требующего какой-либо внешней по отношению к нему реальности. Однако если язык не предполагает никакого онтологического обоснования в виде мира, который, как традиционно считалось, он описывает, то единственным очевидным *бытием* для дефляционного подхода оказывается сам этот язык.

Альтернативным подходом могла бы стать *реляционная концепция истины*, согласно которой *истинность* понимается как *отношение* между разными концептуальными схемами реальности, которые, для того чтобы вообще быть предметом полноценной философской рефлексии, должны фиксироваться в некотором общем для них (мета)языке [32]. Важно, что реляционная концепция истины в таком случае не предполагает *релятивизм* в отношении вопроса о том, какие концептуальные (или языковые) описания реальности необходимо считать более предпочтительными (истинными).

Признание *относительности* разных способов описания мира не влечет за собой тотальную субъективность познания – установку солипсизма, который с неизбежностью приводит к разным формам скептицизма и агностицизма. Было бы неверным полагать, что теория относительности Эйнштейна утверждает, что все в мире относительно, – скорость света в ней является величиной постоянной («абсолютной»). Что же можно признать в реляционной концепции истины *постоянной величиной*? Исключительно *язык*, который выступает посредником в познании действительности и самих себя, будучи средством фиксации *отношения* между человеком и миром. Результатом этой фиксации становится построение определенной концептуальной схемы, выстраиваемой через референцию к чувственно воспринимаемым вещам и конвенционально задаваемым нормам употребления языка.

Реляционная концепция истины не противоречит корреспондентному пониманию истины, а напротив, согласуется с ним, однако показывает его ограниченность, ибо истинность высказывания не может (в силу своей референциальной неопределенности) зависеть исключительно от положения дел в действительности. Для ее уточнения требуется согласованность данного высказывания с другими элементами релевантного множества высказываний, структурированных в рамках целостной концептуальной схемы (системы понятий). Но и этого дополнительного критерия оказывается недостаточно, если данное высказывание не будет иметь никакого (хотя бы и весьма опосредованного) прагматического эффекта. Такова суть реляционной концепции, в которой *истинность* в качестве простого (примитивного), далее неопределимого и неанализируемого логического отношения рассматривается в трех аспектах: 1) как семантическое *отношение* некоторого множества однозначно определенных предложений к воспринимаемой действительности; 2) как синтаксическое (тождественное) *отношение* взаимно синонимичных (аналитических) предложений друг к другу, а также (в качестве целого) к другим концептуальным схемам реальности; 3) как прагматическое *отношение* данного класса предложений, включая все их элементы в виде отдельных высказываний, к тому, какой эффект они имеют в действительности (в виде правил относительно действий, норм речевой коммуникации и пр.) [33].

Такой вывод, в свою очередь, никоим образом не противоречит основанному на здравом смысле представлению о том, что «является истинным»: *то, что мы мыслим, является истинным, если вещи таковы, какими, как мы мыслим, они являются*. Даже если принять во вни-

мание, что мысли не может быть приписано свойство истинности до тех пор, пока она не будет выражена в языке, такое представление без какого-либо значимого ущерба вполне правомерно скорректировать следующим образом: *то, что мы говорим, является истинным, если вещи таковы, какими, как мы говорим, они являются* [34]. Тривиальность этой тавтологии определяет границы применимости предиката истины языком.

Примечания

1. См.: Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику. – М.: ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2008. – С. 539.

2. Куайн У.В.О. С точки зрения логики. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 67. Схожей позиции придерживался другой американский философ – М. Уайт, который привел другие убедительные аргументы в пользу сомнений по поводу этого различия. См.: White M.G. The analytic and the synthetic: an untenable dualism // *Semantics and the Philosophy of Language* / Ed. by L. Lensky. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1970. – P. 272–286.

3. Куайн У.В.О. С точки зрения логики. – С. 73–74.

4. Там же. – С. 74.

5. См.: Карнан Р. Значение и необходимость. – М.: Иностр. лит., 1959. – С. 321–330.

6. См.: Пан А. Семантика и необходимая истина. – М.: Идея-Пресс, 2002. Глава 10 («Анализ и синонимия») непосредственно посвящена рассмотрению парадокса анализа.

7. См.: Moore G.E. A reply to my critics // *The Philosophy of G.E. Moore* / Ed. by P.A. Schilpp. – Evanston, IL: Northwestern Univ. Press, 1942. – P. 660–667.

8. См.: Wisdom J. Is analysis a useful method in philosophy // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – 1934. – Suppl. v. 13. – P. 65–89. Впервые на это обратил внимание С. Рибер. См.: Rieber S.D. The paradoxes of analyses and synonymy // *Erkenntnis*. – 1994. – V. 41. – P. 103–116.

9. См.: Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – С. 230–246.

10. См.: Russell B. My Philosophical Development. – N.Y.: Simon and Schuster, 1959. – P. 85–86; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 104–106; Ramsey F.P. Notes on Philosophy, Probability and Mathematics. – Napoli: Bibliopolis, 1991. – P. 156–158. О превратностях решения данной проблемы см. также: White M.G. On the Church-Frege solution of the paradox of analysis // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1948. – V. 9, No. 2. – P. 305–308; Nelson M. Frege and the Paradox of Analysis // *Philosophical Studies*. – 2008. – V. 137. – P. 159–181; Ладов В.А. Спор вокруг «загадки тождества» в аналитической философии // На пути к новой рациональности. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – С. 150–152; Суровцев В.А. Л. Витгенштейн и Ф.П. Рамсей о тождестве // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 4(8). – С. 89–103; Горбатов В.В. Тождество, истина и парадокс анализа // Язык философии: традиции и новации. – М.: РГГУ, 2010. – С. 34–41.

11. См.: Church A. [Review] // *The Journal of Symbolic Logic*. – 1946. – V. 11, No. 4. – P. 132–133. В рецензии представлен обзор полемики между М. Блэком и М. Уайтом по поводу парадокса анализа. См. также: White M.G. A Note on the «Paradox of Analysis» //

Mind. – 1945. – V. 54, No. 213. – P. 71–72; *Id.* Analysis and identity: a rejoinder // Mind. – 1945. – V. 54, No. 216. – P. 357–361; *Black M.* The «Paradox of Analysis» again: a reply // Mind. – 1945. – V. 54, No. 215. – P. 272–273; *Id.* How can analysis be informative? // Philosophy and Phenomenological Research. – 1946. – V. 6, No. 4. – P. 628–631.

12. См.: *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. – С. 246.

13. См., в частности: *Пан А.* Семантика и необходимая истина. – С. 254–255; *Sellars W.* The Paradox of Analysis: a neo-Fregean approach // Analysis. – 1964. – V. 24. – P. 84–98; *Salmon N.* A problem in the Frege-Church theory of sense and denotation // Noûs. – 1993. – V. 27, Is. 2. – P. 158–166.

14. См., например: *Карнан Р.* Значение и необходимость. – С. 107–113; *Feyerabend P.K.* A note on the Paradox of Analysis // Philosophical Studies. – 1956. – V. 7, No. 6. – P. 92–96; *Chisholm R., Potter R.C.* The Paradox of Analysis: a solution // Metaphilosophy. – 1981. – V. 12, No. 1. – P. 1–6; *Ackerman F.* Analysis, language, and concepts: the Second Paradox of Analysis // Philosophical Perspectives. – 1990. – V. 4. – P. 535–543; *Earl D.* A semantic resolution of the Paradox of Analysis // Acta Analytica. – 2007. – V. 22, No. 3. – P. 189–205.

15. Современные разновидности классического анализа, как правило, направлены на то, чтобы обнаружить «логическую структуру мира» или «логическую форму» фактов действительности. Примечательно, что такое понимание анализа вполне согласуется с метафизической дилеммой явление/реальность. См.: *Sosa E.* Classical analysis // Journal of Philosophy. – 1983. – V. 80, No. 11. – P. 695.

16. *Рассел Б., Уайтхед А.* Основания математики: В 3 т. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. – Т. 1. – С. 82.

17. *Пан А.* Семантика и необходимая истина. – С. 252.

18. Отношение *соответствия* (истинности), строго говоря, представляет собой логическую эквивалентность. В корреспондентной концепции отношение устанавливается между определенным *носителем* истинности (предложением, суждением и проч.) и тем, к чему он отсылает – самой *реальностью* (фактом, положением дел и т.д.).

19. См.: *Тарабанов Н.А.* Дефляционный подход к истине. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010.

20. См.: *Blackburn S.* Spreading the Word. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1984. – P. 227.

21. См.: *Engel P.* The Norm of Truth. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 1991. – P. 99–100.

22. См.: *Dummett M.* Can truth be defined? // Dummett M. Frege: Philosophy of Language. – N.Y.: Harper & Row, 1973. – P. 442–470.

23. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 91.

24. *Аристотель.* Метафизика. – М.: ЭКСМО, 2005. – С. 49.

25. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики. – С. 118.

26. См.: *Тарабанов Н.А.* Теория избыточности истины // Вестник Том. гос. ун-та. – 2010. – № 3 (35). – С. 44–47.

27. *Суровцев В.А.* Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 12.

28. *Хинтиikka Я.* Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. – 1996. – № 9. – С. 48. См. также: *Hintikka J.* Post-Tarskian truth // Synthese. – 2001. – V. 126, № 1–2. – P. 17–36.

29. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – С. 92.

30. Трудности, возникающие при определении знания как истинного и обоснованного мнения, были наглядно представлены в западной философии середины XX в. См., в частности: *Gettier E.L.* Is justified true belief knowledge? // Analysis. – 1963. – V. 23, No. 6. – P. 121–123.

31. Ладов В.А. Формальный реализм // Логос. – 2009. – № 2 (70). – С. 20.

32. А. Тарский акцентирует внимание на том, что предикат истины в качестве свойства применяется к имени (из метаязыка) предложения (из объектного языка). Однако, как показывает Б. Рассел, всякое свойство может быть редуцировано к отношению, но не наоборот. См.: *Russel B. Философия логического атомизма.* – Томск: Водолей, 1999. – С. 31.

33. Схожей концепции придерживается, в частности, В. Кюнне, который определяет предикат истины в качестве реляционного свойства: «...Быть истинным значит быть соотношенным определенным образом с чем-то». См.: *Künne W. Conceptions of Truth.* – Oxford: Clarendon Press, 2003. – P. 5.

34. *Cogito, ergo sum* – исходный постулат рационализма. С учетом приоритета языка этот постулат может быть переформулирован следующим образом: *говорю (т.е. использую язык), следовательно, существую.*

Дата поступления 28.07.2011

Томский государственный
университет, г. Томск
nikotar@gmail.ru

Tarabanov, N.A. The paradox of analysis, definition, and the relational conception of truth

Basing on distinction between logic truth and factual one the author formulates the paradox of analysis which indicates factual indefinability of truth and is exemplified in the position of the correspondence theory. By the example of the deflationist approach which is associated with this position and provides a formal definition of truth he shows that both approaches are narrow. As a possible alternative, the author presents the relational conception which defines truth as a primitive relation between various conceptual schemes of reality, non-analyzable further.

Keywords: paradox, analysis, identity, definition, relation, truth